

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ПОТЕНЦИРОВАННЫЕ ФОРМЫ В НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. «Потенцированными» (усиленными) мы будем называть грамматические формы, которые подверглись фонетическому расширению или укреплению, противодействующему их ослаблению или редукции. Такое расширение и укрепление вызывается необходимостью поддержать, иногда усилить грамматическую или семантическую дифференциацию, которая нивелируется в результате ослабления. Таким образом, в результате потенцирования уточняются и совершенствуются грамматические средства языка.

В немецком литературном языке отмечены в небольшом числе такие потенцированные формы. Так, указательные местоимения в функции служебных слов (артиклей) подвергаются акцентному ослаблению; в сильном положении как местоимения они расширяются окончаниями *-en*, *-er* (по аналогии прилагательных); ср. артикли *des*, *den*, *der* — местоимения *dessen*, *denen*, *deren*, *derer*. Сходным образом потенцированное окончание имеет и вопросительное местоимение *wessen*, вытеснившее односложное срвнем. *wes*. Грамматической дифференциации служит потенцированная форма дат. падежа мн. числа 3-го лица *ihnen* (срвнем. *in*) в отличие от вин. падежа ед. числа муж. рода *ihn* (также срвнем. *in*) и жен. рода ед. и мн. числа 3-го лица *ihrer* (срвнем. *ir*) в отличие от жен. рода дат. падежа ед. числа *ihr* (также срвнем. *ir*).

Реже грамматические формы потенцируются при помощи префиксальных элементов. Так, акцентно-ослабленным предлогам противопоставляются расширенные наречия места, в прошлом тождественные с ними по форме; ср. предлоги *aus*, *auf*, *an*, *in* и др. — наречия *heraus* или *hinaus*, *herauf* или *hinauf*, *heran*, *hinein* (срвнем. наречие *in* — предлог *in*) и т. п.

Потенцированным является окончание 2-го лица ед. числа глаголов *-st*, распространившееся из настоящего времени на все глагольные формы. Оно образовалось в древневерхненемецком в результате переразложения из суффиксированного личного местоимения *-du*; ср. *nimis + du > nimist-du* «*du nimst*». В юго-западной группе немецких диалектов (швабско-алеманском, южнофранкском и пфальцском), где *-st > -št* (ср. *mišt* «*Mist*», *brušt* «*Brust*», *bišt* «*bist*»), конечное *-t* в окончании 2-го лица ед. числа в некоторых говорах снова отпадает, поскольку окончание *-š* является достаточно дифференцированной формой. Ср., например, эльз.: *nemš* «*nimst*», *māxš* «*machst*», *beš* «*bist*» и т. п. Явление это не фонетическое, а грамматическое и основано на таком же переразложении; ср. *bišt + du > biš-du* (тогда как по общему фонетическому закону *-št* на конце слова сохраняется; ср. эльз. *mešt* «*Mist*», *brušt* «*Brust*» и т. п.).

В результате такого же переразложения часто укрепляются суффиксы, которым угрожает в условиях редукции потеря смысловозначительного значения. Ср., например, в прилагательных *-ern* (из *-r + in*): *stei-*

ner, *gläsern* вместо срвнем. *steinin*, *glesin*; в существительных *-ner*, *-ler* (из *-n + er*, *-l + er*): *Schuldner*, *Häusler* и многие другие.

Лексически ограниченный случай потенцированной формы представляет *immer — immer mehr*. Слово *immer* «всегда», из срвнем. *ie + mēr*, само состоит из двух элементов: древнем. *io* > срвнем. *ie* «всегда» (ср. нвнем. *je*), расширенного усиливающим срвнем. *mēr* «mehr» («больше»). Редукция второго элемента сложного слова, потерявшего самостоятельное значение (срвнем. *iemer* > *immer* «всегда»), подсказала потенцированную форму *immer mehr* с вторичным добавлением того же *mehr*. В этом случае существенное значение имела тенденция к эмоциональной выразительности, эмфатическое усиление, связанное со значением этого слова.

С потенцированными формами соприкасаются отмеченные Жильероном примеры фонетического укрепления укороченных в результате редукции односложных слов, обозначенные самим Жильероном образным выражением — «терапевтика слов» (*thérapeutique verbale*)¹. Так, вместо «чрезмерно укороченного» *es* (*ep*, *ef*) «пчела» (из лат. *apis*) входит в употребление расширенное уменьшительным суффиксом — *abeille* (из *apicula*). С другой стороны, в словах подобного типа может сохраниться конечный согласный, обычно отпадающий по фонетическому закону: ср. франц. *coq* «петух», *cinq* «пять», *sept* «семь» и др. Грамматическая аналогия, наличие полных вариантов перед гласным следующего слова (так называемое «связывание» — *liaison*), наконец, влияние литературного языка, ориентирующегося на написание или на латинскую этимологию слова, в отдельных случаях объясняют это явление. Редже подобное расширение происходит за счет препозиции, например в мн. числе *zuō* «глаза» вместо *yō*, из сочетаний типа *les yeux*².

Общим для всех перечисленных примеров является влияние значения слова или значения грамматической формы слова на сохранение или укрепление его фонетического состава. Вопрос этот был поставлен в теоретической форме в известных трудах В. Горна, который обнаружил в общих условиях редукции более значительную сопротивляемость функционально значимых элементов слова³. Менее убедительной представляется новейшая теория И. Даль, которая пыталась объяснить некоторые из рассматриваемых ниже диалектных явлений как результат «тенденций к сохранению системы» (*systemerhaltende Tendenzen*)⁴. На самом деле в этих случаях речь идет не о сохранении «системы», тем менее о сохранении абстрактного структурного принципа системы (так называемого «синтетического» строя в отличие от «аналитического»), а о сохранении и фонетическом укреплении отдельных языковых форм, когда они являются носителями грамматического значения, иными словами об устранении «омонимизма» (или «нейтрализации») грамматических элементов в тех случаях, когда они способствуют дифференциации важных для языкового общения смысловых различий.

2. Общей тенденцией склонения существительных в немецком языке и его диалектах является унификация флективных различий между падежами и на этой основе более или менее систематическое формальное противопоставление множественного числа единственному. Функция различения падежей переходит в основном к местоименным показателям при существительных или, при отсутствии таковых, к местоименному

¹ См. J. Gilliéron, *Pathologie et thérapeutique verbales*: 1—2, Neuveville, 1915; 3—4, Paris, 1921.

² См. A. Dauzat, *La géographie linguistique*, 2-me partie, ch. 2, Paris, 1922.

³ См. W. Horn, *Sprachkörper und Sprachfunktion*, Berlin, 1921 («Palaestra», № 135); ср. его же, *Laut und Leben*, bearb. von M. Lehnert, Bd. II, Berlin, 1954, стр. 1170—1193.

⁴ I. Dal, *Systemerhaltende Tendenzen in den deutschen Mundarten*, «Wirkendes Wort», Jg. 6, Hf. 3, 1956, стр. 138—144.

(«сильному») склонению прилагательных. Кроме того, широкое развитие получила система предлогов, служащих основными показателями синтаксических связей имени существительного. Тенденция к унификации наличествует во многих диалектах и в местоименном склонении¹. Однако дат. падеж ед. и мн. числа, который может употребляться без предлогов как падеж косвенного дополнения, сохраняет довольно широко в сильном склонении дифференцирующие его окончания (ед. число муж. и ср. рода *-e*, мн. число муж. и ср. рода *-en*). В зависимости от фонетических особенностей диалекта эти окончания, в особенности в верхненемецком, могут подвергнуться дальнейшей редукции (отпадение конечного *-e*, отпадение *-n*).

В баварском и австрийском наречии, где дат. и вин. падежи ед. числа фонетически совпали в местоименном склонении в общей форме на *-n* (*dem. den > den*), смешение дат. и вин. падежей наблюдается и во мн. числе в предложных конструкциях типа *mit di šuv* «mit die Schuhe» вместо «mit den Schuhen». Реакцией против такого смешения является так называемый «усиленный дательный» (*Krafldativ*), имеющий форму *-nā*² или *-vn* в зависимости от диалекта (из *-en + en*). В сильном склонении обычно сохраняется простое *-n*; ср. им. падеж ед. числа *fiš* «Fisch» — мн. числа *fiš* «Fische», дат. падеж мн. числа *fišn*; им. падеж ед. числа *blig* «Blick» — мн. числа *blik* «Blicke», дат. падеж мн. числа *blikn* (с ассимиляцией *-n*). При наличии слабого мн. числа *-en*, имеющего в баварско-австрийском чрезвычайно широкое употребление (нередко с распространением окончания *-en* и на им. падеж ед. числа), в дат. падеже мн. числа обычно наличествует потенцированная форма. Ср. им. падеж ед. числа *bušn* «Busch» — мн. числа *bušn* «Busche» (*-en*), дат. падеж мн. числа *bušvn* (из *buš + en + en*); им. падеж ед. числа *knoixn* «Knochen» — мн. числа *knoixn* (*-en*), дат. падеж мн. числа *knoixvn* (из *knoche + en + en*). В случае ассимиляции *-en* предшествующему согласному потенцированное окончание *-n* присоединяется к ассимилированному *-n*, так что окончание *-en* оказывается утросным. Ср. им. падеж ед. и мн. числа *haufm* «Haufen» (*-en*) — дат. падеж мн. числа *haufmvn* (*-en + en + en*); им. падеж ед. числа *berx* «Berg» — мн. числа *beru* «Berge» (*-en*), дат. падеж мн. числа *beruvn* (*-en + en + en*)³.

Потенцированный дат. падеж мн. числа встречается и в некоторых восточносреднемецких диалектах, где также наблюдается смешение дат. и вин. падежей ед. числа в местоименном склонении. Он употребляется в особенности в предложных оборотах, которым более всего угрожало такое смешение. Ср. в западнотюрингском (Зальцунген): *an dn hurnə* «an den Haaren», *an dn ornə* «an den Ohren» и т. п. (*-en + en > -nə*)³.

3. При отпадении окончания *-e* в дат. падеже ед. числа муж. и ср. рода в качестве усиленной формы в южнонемецких диалектах (в эльзасском, швейцарском, в некоторых баварских и австрийских говорах) получило распространение префигирированное *in* (или *an*), представляющее по своему происхождению предлог, полностью утративший свое лексическое значение. Ср. в эльзасском дат. падеж ед. числа муж. рода *em frent* «im-Freund» (= «dem Freunde»), ср. рода *em dorf* «im Dorf» (= «dem Dorfe»); также жен. рода *en dar brušt* «in der Brust» (= «der Brust»); мн. число мужского, среднего и женского рода *en da frenda* «in den Freunden» (= «den Freunden»), *en da dərferə* «in den Dörfern» (= «den Dörfern»), *en da breštə* (= «in den Brüsten»).

¹ См. С. А. Миронов, Некоторые вопросы сравнительной морфологии немецких диалектов (Система склонения), ВЯ, 1957, № 3, стр. 20—30.

² См. F. W. Nagl, Grammatische Analyse des Niederösterreichischen Dialekts, Wien, 1886, стр. 175—176, 395 (говор Нойенкирхена в Нижней Австрии). Ср.: A. Gebhardt, Grammatik der Nürnberger Mundart, Leipzig, 1907, стр. 249; L. Sütterlin, Neuhochdeutsche Grammatik, München, 1924, стр. 342; G. Weitzénböck, Die Mundart des Innviertels..., Halle, 1942, стр. 25 и сл.

³ L. Hertel, Die Salzunger Mundart, Leipzig, 1888, стр. 92.

Соответственно этому в диалектно окрашенной литературной речи эльзасец склонен говорить: *ich hab'es im Vater gegeben, ich hab' es in der Mutter gesagt, er hat es in den Leiten gesagt*¹.

Этот оборот развился в результате фонетического совпадения редуцированной формы дат. падежа ед. числа муж. и ср. рода определенного артикля *em* «*den*» и *e-m* «*in dem*» (из срвнем. *inme*), а также дат. падежа ед. числа муж. и ср. рода неопределенного артикля *eme* «*einem*» (из срвнем. *eineme*) и *e-me* «*in einem*», дат. падежа ед. числа жен. рода *enre* «*einer*» (из срвнем. *einere*) и *en-re* «*in einer*». В соответствии с этим формы *em frent* «*dem Freunde*», *em dorf* «*dem Dorfe*» были персонифицированы как «*in dem Freund*», «*in dem Dorf*» с дальнейшим распространением на формы женского рода и множественного числа; формы *eme man* «*einem Manne*» — как *e-me mán* «*in einem Manne*»; формы *enre frqi* «*einer Frau*» — как *en-re frqi* «*in einer Frau*». Ср. в диалекте Кольмар: *i há-s eme-n ármə man gā* «*ich habe es (in) einem armen Mann gegeben*», *i há-s enre-n árme frqi gā* «*ich habe es (in) einer armen Frau gegeben*».

Как четко дифференцированная форма, этот новый аналитический оборот употребляется во всех случаях, когда дат. падеж не имеет при себе другого предлога, т. е. лишен формальной характеристики (в швейцарских диалектах в особенности рядом с числительным, артиклем, личным, указательным, вопросительным местоимением), содействуя, в частности, дифференциации дат. и вин. падежа в случаях их морфологического совпадения (в личных местоимениях). Ср. в диалекте Фрейбурга: дат. падеж *i-mīər* «*mī*» — вин. падеж *mīər*, дат. падеж *i-dīər* «*dī*» — вин. падеж *dīər*, дат. падеж *in-im* «*ihm*» — вин. падеж *im*, дат. падеж *i-nūs* «*uns*» — вин. падеж *nūs*, дат. падеж *i-nōx* «*euch*» — вин. падеж *nōx*².

Наличие сходных тенденций развития аналитического дат. падежа ед. числа в территориально не связанных между собою южнонемецких диалектах подтверждает закономерный характер этих тенденций к укреплению падежной формы дат. падежа в тех случаях, когда она употребляется как косвенное дополнение без предлогов и вместе с тем утратила свои старые морфологические признаки.

4. Существенное значение для развития местоимений имеет различие сильных и слабых форм, из которых последние, в особенности в южнонемецком, подвергаются гораздо более значительной редукции, чем в литературном языке. Сильные формы, в отличие от слабых, могут быть расширены, как и в литературном языке, окончаниями *-en*, реже *-er*, которые в разных диалектах имеют различное распространение. Ср., например, в пфальцском: *ēnə* «*ihnen*», *dānə* «*denen*»; в швейцарском (Керенц): *inā* «*ihnen*», *denā* «*denen*», *irā* «*ihren*», *dorā* «*deren*» и т. п.

Фонетическому укреплению «чрезмерно укороченных» местоименных форм способствует в некоторых швейцарских диалектах перераспределение, в результате которого от аналитического дат. падежа с предлогом *in* (*an*) образовались расширенные формы местоимений с добавочным элементом *n-* перед гласными; ср. в говоре Фрейбурга: *nūs* «*uns*» (из *in* + *ūs*), *nōx* «*euch*» (из *in* + *ōx*); в слабом положении также *nim* «*ihm*» (из *in* + *im*), *nā* «*ihn*», «*ihnen*» (из *in* + *inen*)³.

К расширенным формам указательных местоимений относится *dieser* «этот», которое было образовано в древнемецком из старого указательного местоимения *der* с добавочной (усилительной) указательной частицей *-se*. Ср. дрвнем. *dese* (из *der* + *se*), позднее *deser* «*dieser*». В диалектах

¹ H. Lienhart, Laut- und Flexionslehre der Mundart des mittleren Zornales im Elsass, Strassburg, 1891, стр. 43; V. Henry, Le dialecte alsacien de Colmar (Haute Alsace) en 1870, Paris, 1900, стр. 70.

² W. Henzen, Die deutsche Freiburger Mundart, Frauenfeld, 1927, стр. 196—197.

³ Там же, стр. 197.

употребление *dieser* в настоящем времени ограничено главным образом нижненемецким и восточносредненемецким; в большинстве других верхненемецких диалектов в значении «этот» сохранилась сильная форма старого указательного местоимения *der*, расширенная в случаях смыслового выделения добавочными указательными наречиями или частицами. Ср. в говоре Оттвейлера (южномозельский диалект): *deā hei* «der hier», *deā dā* «der da», *deā dōāt* «der dort»¹; в южноавстрийском (Пернегг, Каринтия): *dār dā* «der da» (*dr pā dā* «dieser Bube da»); при усилении — иногда с удвоением: *der dādā* «der da-da» и даже с утроением: *dāstādā dā* «das-da da-da»². В сфере культурного влияния французского языка (например, в Лотарингии) в качестве усилительной частицы употребляется франц. *là* (ср. *celui-là* «этот»). Ср. в говоре Фалькенберга: *dār lā* «der da» или с удвоением *dār lā-lā* «dieser»; *dār dōrt* «der dort» («jener») или *dār lōrt* (контаминация *lā + dort*)³.

5. Употребление личных местоимений при глаголе становится обязательным в новонемецком языке с конца древневерхненемецкого периода в связи с редукцией и фонетическим смещением первоначально дифференцированных глагольных окончаний. Ср. в современном языке: *wir lieben — sie lieben, wir liebten — sie liebten, ich gab — er gab, ich gäbe — er gäbe* и др. При этом для дальнейшего развития глагольных окончаний, как и самих местоимений, существенное значение получает широко распространенное (в особенности в разговорной речи, в частности и в диалектах) инверсивное энклитическое употребление личных местоимений, связанное не только с ослаблением, но нередко и с фонетической ассимиляцией. Например, в гессенском диалекте: *nem-ich* «nehme ich», *gēsle* «gehst du», *gewmr* «gehen wir», *hodr* «habt ihr» и т. п. В результате подобной ассимиляции с последующим переразложением местоимение мн. числа 1-го лица *wir* повсеместно в верхненемецких диалектах приняло форму *mir*; ср. *gēn + wir* «gehen wir» > *gēm̄r* > *gē(n) + mir* > *mir gēn* «wir gehen». Сходным образом на более ограниченной территории мн. число 2-го лица *ihr* получает форму *dir*; ср. *gēt + ir* «geht ihr» > *gēdr* > *gēd + dir* > *dir gēd* «ihr geht». В обоих случаях этому развитию содействовала тенденция к грамматической унификации супплетивных форм мн. числа по типу ед. числа *mir, mich — dir, dich*.

В приведенных выше энклитических формах *gēm̄r* «gehen wir», *hodr* «habt ihr» и др. ослабленное в фонетическом и в лексическом отношении личное местоимение в сущности по своему грамматическому характеру приближается к морфологическому показателю лица при глаголе, к глагольной морфеме. Мы могли бы рассматривать его как потенцированное личное окончание, фонетически расширенное и более дифференцированное в грамматическом отношении, чем старые ослабленные и обобщенные глагольные окончания *-(e)*, *-(e(n))*, которые подверглись в диалектах еще большей редукции, чем в литературном языке. Однако существование соотносительных форм того же значения без суффиксированных местоименных окончаний в случаях постановки личного местоимения перед глаголом, т. е. *šraibste* и *du šraibst*, *gēm̄r* и *mir gē(n)*, *hodr* и *ir(dir) hot* (а не *du šraibst*, *mir gēm̄r*, *ir hodr* и т. п.), свидетельствует о том, что процесс грамматизации энклитических местоимений еще не завершился полностью и что для говорящего на диалекте они продолжают оставаться ослабленными местоимениями, а не являются простыми глагольными окончаниями.

¹ K. Scholl, Die Mundarten des Kreises Ottweiler, Strassburg, 1913, стр. 74.

² P. Lessiak, Die Mundart von Pernegg in Kärnten, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. XXVIII, Hf. 1, 1903, стр. 197.

³ N. Tarral, Laut- und Formenlehre des Mundart des Kantons Falkenberg in Lothringen, Strassburg, 1903, стр. 102.

Иначе обстоит дело в баварских и австрийских диалектах в отношении глагольного окончания 2-го лица мн. числа, которое имеет здесь потенцированную форму *-ts(-ds)*, образовавшуюся через присоединение к обычному окончанию 2-го лица мн. числа *-t* энклитического местоимения *es* в ослабленной форме *-s*. Местоимение *es* представляет двойственное число 2-го лица (срвнем. *ēz*), заменившее в баварско-австрийском наречии мн. число *ihr* (срвнем. *ir*). Ср. 2-е лицо мн. числа *šraits* «(ihr) schreit», *drokts* «(ihr) traget», *gēds* «(ihr) geht» и др. На полную грамматизацию потенцированного окончания *-ts* указывает его обязательный характер; хотя форма эта может употребляться и без личного местоимения, однако в процессе ее развития в личное окончание возникает потребность во вторичном присоединении личного местоимения; так в особенности в препозиции: *es gepts*, но также иногда и в энклизе: *gepts-es*¹.

Значительно более ограниченное распространение имеет это явление в 1-м лице мн. числа. Оно отмечено, например, в южноавстрийском говоре Пернегга, где энклитическое местоимение превратилось в глагольное окончание *m̄* рядом с самостоятельной формой того же местоимения *wir* в начальном положении: *wir sogm̄* «wir sagen», *wir grwalm̄* «wir arbeiten»; и здесь возможно энклитическое *m̄*, вторично присоединяющееся как личное местоимение к тождественному с ним по происхождению, грамматизованному окончанию мн. числа 1-го лица *m̄*; ср. *kherm̄ m̄* (или *kherm̄m̄*) *aufn* «gehören wir hinauf?». При логическом выделении и эмфазе отмечено даже тройное *wir*: *kherm̄m̄ wir ā aufn* «gehören wir auch hinauf?»².

6. Иным способом укрепляется окончание настоящего времени ед. числа 1-го лица *-e*. В большинстве западносреднемецких и южнонемецких диалектов, в отличие от литературного языка, конечное *-e* по общему фонетическому правилу отпадает. Ср., например, в швабском *sey* «singen», *max* «mache», *tzon* «Zunge», *gešd* «Gäste» и др. Однако в значительной части западнонемецких диалектов (среднефранкский, нижнегессенский, верхнегессенский и швейцарский) форма 1-го лица укрепляется аналогическим распространением окончания *-n*, *-en*, свойственного первоначально небольшой группе так называемых атематических глаголов на *-mi*. В древневерхненемецком, кроме 1-го лица наст. времени *stām* (*stēm*) «stehe», *tuom* «tue», *bim* «bin» (ср. гот. *im*), к этой группе принадлежит неясное по своей этимологии *gām* (*gēm*) «gehe»; в конце древневерхненемецкого периода к ним примкнули стяженные формы 1-го лица ед. числа наст. времени *hān* «habe» (из дрвнем. *habēm*) и *lān* «lasse».

Кроме того, в древневерхненемецком языке окончания *-m* имеют все слабые глаголы II и III группы с суффиксами *ō*, *ē*, которые присоединяют к своей основе окончания *-m* в 1-м лице ед. числа наст. времени индикатива в отличие от формы 1-го лица ед. числа наст. времени оптатива без *-m*; ср. дрнем. *lobōm* «lobe», *lebēm* «lebe» (оптатив наст. времени *lobo*, *lebe*).

В языке позднего древневерхненемецкого периода рейнскофранкские и среднефранкские тексты обнаруживают аналогическое распространение окончания ед. числа наст. времени *-ōn* (с переходом конечного *-m* > *-n*) и на другие группы глаголов — как сильных, так и слабых: например, *sprehon* «spreche», *behalton* «behalte», *bekennon* «bekenne», *lēron* «lehre» и др.³ В средневерхненемецком в ряде диалектов это окончание прочно

¹ См. A. P f a l z, Suffigierung der Personalpronomina im Donaubairischen, «Beitr. zur Kunde der bayerisch-österreichischen Mundarten» (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse, Bd. 190), 1918, стр. 4—5.

² P. L e s s i a k, указ. соч., стр. 204; A. P f a l z, указ. соч., стр. 5.

³ См. W. B r a u n e, Althochdeutsche Grammatik, 8-e Aufl., bearb. von W. Mitzka, Halle, 1955, § 305, примеч. 4.

закрепилось, как о том свидетельствуют рифмы. Ср. *lesen* «lese»: *gewesen*; *niederfallen* «falle»: *allen*; *kennen* «kenne»: *genennen*; *sagen* «sage»: *belagen* и др.¹

В современных верхненемецких диалектах в окончании наст. времени 1-го лица ед. числа *-en* конечное *-n* сохраняется или отпадает по общим фонетическим правилам данного диалекта. Ср. в лотарингском (Фалькенберг): *wërʃən* «werfe», *bruzən* «brauche»; *dün* «tue», *gen* «gebe» и др.; в гессенском: *driŋkə* «trinke», *khäʃə* «kaufe»; *förn* «fahre», *šbörn* «spüre» (с сохранением *-n* после *r* по общему правилу: ср. *hörn* «Haaге» и т. п.); *hon*, *hun* «habe»; *gēn* «gehe», *dun* «tue» (*-n* сохраняется после гласного в односложных формах)²; в швейцарском (Керенцен): *gibä* «gebe», *hassä* «hasse», *gü* «gehe», *lū* «lasse» и т. п.³

Следовательно, в таких формах, как наст. время 1-го лица гессенск. *driŋkə* «trinke», *khäʃə* «kaufe» и т. п., по видимости сохранилось окончание *-e*, как в литературном языке, несмотря на фонетически закономерное отпадение конечного *-e* в прочих случаях, характерное для тех же диалектов (ср. гессенск. *jūŋ* «Junge», *gēns* «Gänse» и др.). Однако генетически эти формы между собой не связаны: скорее можно говорить здесь о своеобразном восстановлении («регенерации») грамматического признака, укрепленного аналогическим распространением форм на *-en*.

В среднефранкском окончании 1-го лица ед. числа *-en* распространилось и на прошедшее. В северномозельских говорах (Эйфель) оно встречается в глаголах всех типов; ср. *līʃən* «lief», *lāgən* «lag», *kontən* «konnte», *woarən* «war», *hadn* «hatte» и др.⁴ В рипуарском (Берг) формы прошедшего с *-en* ограничены слабыми глаголами, притом лишь в случаях отсутствия или устранения чередования гласных (так называемого обратного умлаута), когда по фонетическим особенностям этого диалекта (редукция конечного *-e* и отпадение *-t* на конце слова после шумного согласного) прошедшее в 1-м лице должно было совпасть с настоящим. Ср. *krazdōn* «krachte», *höptən* «büpfte» (прошедшее *krazt'*, *höpt'* > *kraz*, *höp* имело бы одинаковую форму с настоящим); *špoltən* «spülte» (или *špolt* с обратным умлаутом), *zōkdən* «suchte» (или *zōk*), *jlōfdən* «glaubte» (или *jlōf*) и др.⁵ Таким образом, грамматическая аналогия и здесь подчиняется общей тенденции развития морфологически дифференцированной формы.

Как известно, окончание *-mi* во многих индоевропейских языках получило более или менее широкое распространение за первоначальные границы небольшой группы атематических глаголов (в индо-иранском, в греческих диалектах, в армянском, в древнеирландском, в некоторых славянских языках). Распространение это было вызвано, однако, не механическим воздействием небольшой группы слов, хотя бы и очень употребительных, как думал К. Бругман⁶, а внутренней целесообразностью процесса формообразования: большей фонетической стойкостью этого окончания по сравнению с «незащищенным» индоевропейским гласным *o*, а следовательно, его значением для функциональной дифференциации формы, как своего рода «потенцированного окончания»⁷.

¹ См.: K. We in h o l d, *Mittelhochdeutsche Grammatik*, 2-te Ausg., Paderborn, 1883, стр. 388, 426; V. M i c h e l s, *Mittelhochdeutsches Elementarbuch*, Heidelberg, 1921, стр. 328.

² H. R e i s, *Die Mundarten des Grossherzogtums Hessen*, «Zeitschr. für deutsche Mundarten», Jg. 1909, Hf. 4, стр. 115.

³ J. W i n t e l e r, *Die Kerenzer Mundart des Kantons Glarus...*, Leipzig und Heidelberg, 1876, стр. 159.

⁴ H. R e i s, *Die deutsche Mundartdichtung*, Leipzig, 1915, стр. 48.

⁵ R. H. B u b n e r, *Untersuchungen zur Dialektgeographie des Bergischen Landes zwischen Agger und Dhünn*, Marburg, 1935, стр. 118.

⁶ H. Ö s t h o f f, K. B r u g m a n n, *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, Tl. I, Leipzig, 1878, стр. 82.

⁷ Ср. В. М. Ж и р м у н с к и й, *Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии*, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, 1954.

7. С «регенерацией» формообразующего признака на основе грамматической аналогии мы имеем дело в южнонемецких формах опатива прошедшего времени. Признаком этой формы в древневерхненемецком был суффикс *-î*, который в сильных глаголах II—VI ряда вызывал умлаут (ср. *würfe* < дрвнем. *wurfi*, *gābe* < дрвнем. *gābi* и т. п.). Редукция неударного *i* > *e* в средневерхненемецком, а в дальнейшем отпадение конечного *-e* в большинстве западносредненемецких и южнонемецких диалектов лишили эту глагольную форму ее дифференцирующего показателя. В слабых глаголах формы прошедшего опатива и индикатива полностью совпали (ср. *suchte* из дрвнем. индикатива прошедшего *suohhta* и из опатива прошедшего *suohiti*) и вышли из употребления; в сильных — только формы с умлаутом сохранили четкую морфологическую характеристику и потому оказались более устойчивыми. В связи с разрушением флексии широкое распространение в диалектах получила аналитическая форма опатива прошедшего с глаголом *tun*: *ich tâte singen*, *ich tâte schreiben* и т. п. Обычно она может быть образована от всех глаголов, даже при наличии остатков сильного опатива, который вытесняется вследствие противоречивости и неустойчивости своего образования. Наиболее прочными и употребительными из флексивных опативов остаются повсюду отчетливо выраженные формы вспомогательных и служебных глаголов: *wäre*, *täte*, *hätte*, *würde* и модальные *dürfte*, *möchte*, *könnte*, *müsste* и др. Последние, образованные по претеритопрезентному типу, обычно объединяют умлаут с суффиксом прошедшего времени *-t* (ср. *dürfte* < дрвнем. *durfti*).

Однако в южнонемецких и территориально прилегающих к ним средневерхненемецких диалектах, полностью утративших простое прошедшее, форма слабого опатива прошедшего частично сохранилась и даже распространилась на сильные глаголы, в результате чего эта модальная категория получила новый, четко дифференцированный морфологический признак *-t*. Проводниками этого аналогического процесса явились широко употребительные флексивные опативы модальных глаголов, издавна объединявшие суффикс прошедшего с чередованием гласного и умлаутом. По типу *dürft* и *müsst* могли образоваться *gäbt*, *nämt* и т. п. Ср. в восточнопфальцском (окрестности Гейдельберга): *dēuft* «dürfte», *mēst* «müsste», *mēkt* «möchte» — *gēbt* «gäbe», *khēmt* «kāme», *gēnt* «ginge», *lēkt* «läge» и др.¹

Слабые опативы прошедшего от сильных глаголов встречаются двух родов: первые образуются от основы презенса без чередования гласных, представляя как бы особый случай перехода сильных глаголов в слабые в прошедшем времени; вторые присоединяют суффикс *-t* к сильной форме старого опатива прошедшего с обычным аблаутом и умлаутом и являются, таким образом (подобно претеритопрезентным глаголам), своеобразной контаминацией способов образования сильного и слабого прошедшего («смешанные» формы). Ср. в баварском: 1) *gāb* «gäbe» — опатив сильного спряжения (из срвнем. *gabe*, с переходом срвнем. *a* > бав. *ā*); 2) *gēbat* — опатив слабого спряжения (из срвнем. **gebe-te* от *geben* с суффиксом слабого спряжения *-t*); 3) *gābat* — опатив смешанного спряжения (из срвнем. **gabe-te* с суффиксом слабого спряжения *-t*). Для баварско-австрийских диалектов характерна вторая форма, которая может быть образована почти от всех сильных глаголов по типу слабых и вытесняет лексически более ограниченную группу сильных и смешанных опативов. Прочность суффикса в баварско-австрийском обусловлена наличием гласного элемента перед *-t* (*-ad*, *-ät*), который восходит к дрвнем. *-ōt*, *-ēt* слабых глаголов II—III группы (дрвнем. опатив прош. времени *lobōti* «lobte», *lebēti* «lebte»). Ср. в нижнеавстрийском (Нейенкирхен): опатив прош.

¹ Ср. Ph. Lenz, Die Flexion des Verbums im Handschuhshemer Dialekt, «Zeitschr. für hochdeutsche Mundarten», Bd. I, Hf. 1—2, Heidelberg, 1900, стр. 17 и сл.

времени *leiwod* «lebte» (= «würde leben»); *šikod* «schickte» (= «würde schicken») и т. п.¹ В некоторых севернобаварских говорах это окончание опатива еще расширено обычным для фонетики этого диалекта неорганическим *r* перед *-t*; ср. *diārŕert* «dürfte», *maīŕert* «müsste» — также *nāmert* «nähme» (срвнем. *æ* > бав. *ā*), *gābært* «gäbe» и т. д.

Другой тип потенцированного опатива прошедшего на *-t* обнаруживают эльзасские говоры. Здесь рядом с обычным *-t* отмечены расширенные окончания *-tit*, *-tik*, *-tikt*: *wertit* (*wertikt*) «würde», *derftit* (*derftikt*) «dürfte»; так же от слабых глаголов: *wenštīt* «wünschte», *maīntik* «meinte», *hērtit* «hörte». Происхождение этой формы неясно. Ее пытались объяснить как суффиксированное *tāte*, что представляется мало вероятным. Скорее можно видеть в этом окончании результат переразложения в слабых глаголах, оканчивающихся на *t(d)*, типа *rettete* (**reddidi*), *richtete* (**richtiti*)². Существенной во всяком случае является тенденция создать дифференцированный, прочный в фонетическом отношении показатель модальной формы, «регенерация» морфологического признака при помощи потенцированного окончания.

8. Потенцированные словообразовательные суффиксы имеют широкое распространение при образовании уменьшительных в связи с эмоционально-экспрессивным характером этой грамматической категории (по типу *immer mehr*).

В древних германских языках, судя по письменным памятникам, уменьшительные употреблялись редко. В областях немецкого языка в этой функции встречались германские суффиксы *-in* (ср. дрвнем. *magat-in* «Mädchen»), *-ilo* (в собственных именах типа *Hunilo* — жен. род. *Hildila*), *-iko* (дрвнем. *manniko*) — с верхненемецким передвижением *-icho* (дрвнем. *Gibicho*). Согласно теории Ф. Вреде³, источником для развития уменьшительных, получивших в дальнейшем в немецком языке характер почти универсальной грамматической формы существительных, послужили встречающиеся во всех германских языках уменьшительно-ласкательные образования от личных имен типа гот. *Attila* (буквально «батюшка»), *Wulfila* (буквально «волчонок»), дрвнем. *Ezzilo*, *Hunilo*, дрннем. *Attiko*, *Huniko* и т. п. Ближайшим образом уменьшительно-ласкательный суффикс переносится на имена нарицательные с личным значением, в особенности — в обращении: гот. *barnilo* «Kindchen» («дитяtko»), *magula* «Knäblein»; дрвнем. *scalthilo* «Knechtlein», *chizzilla* «Zicklein»; *annihho* «Grossvaterlein», *annihha* «Grossmütterlein» и т. п. Дальнейшее распространение этого суффикса на неодушевленные предметы Ф. Вреде представляет себе как результат своего рода эмоциональной персонификации. Однако скорее следует предполагать обратный процесс: потерю эмоциональной выразительности первоначально ласкательными формами и тем самым — возможность их более широкой грамматизации в абстрактном значении уменьшительных. Существенную роль в этом процессе сыграли новые, специфические для немецкого языка потенцированные уменьшительные суффиксы *il + in* (срвнем. *-lin* «-lein»), *ik + in* (срвнем. *-ichen* «-chen»), которые и становятся в дальнейшем продуктивным средством выражения грамматической категории уменьшительных. Изолированные формы со старыми простыми суффиксами в большинстве случаев потеряли свое уменьшительное значение; ср. *Stengel* (дрвнем. *stengil* от *stanga*), *Säckel* (дрвнем.

¹ См.: A. Schönbach, Ueber den Conjunktiv Praeteriti im Bairisch-Oesterreichischen, «Beitr. zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. XXIV, Hf. 1, 1899; K. Jacki, Das starke Praeteritum in den Mundarten des hochdeutschen Sprachgebiets, «Beitr. zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. XXXIV, Hf. 3, 1909.

² K. Jacki, указ. соч., стр. 222; V. Ненгу, указ. соч., стр. 101.

³ F. Wrede, Die Diminutiva im Deutschen, «Deutsche Dialektgeographie», Hf. I, Marburg, 1908.

seckil), *Knöchel* (срвнем. *knöchel* от *knoche* «Knochen»); нем. *swölk* «Schwalbe», *bäseke* «Beere» и мн. др.¹.

В диалектах, однако, встречаются следы старого употребления. Ср., например, в швейцарском (Фрейбург): уменьшительные на *-l* — *jäkk* (от *Jakob*), *iönl* (от *Anton*), *büöbl* (от *büeb* «Bube») рядом с господствующей формой *-li* (из срвнем. *-lîn*) — *bümlî* «Bäumlein», *blätli* «Blättlein» и т. п.; уменьшительные на *-i* — *nasî* «Näschen», *hüsî* «Häuschen», *attî* «Vater» («Väterchen»), *jäkkî* (от *Jakob*), *anî* (от *Anne*) и мн. др.

Особенно богаты уменьшительными южнонемецкие диалекты. Универсальная употребительность уменьшительных форм вместо основной формы существительного связана здесь во многих случаях с утратой ими эмоционально-экспрессивного значения и с образованием новых потенцированных суффиксов, которые становятся преимущественным средством выражения этого значения. Так, в австрийских диалектах рядом со старым суффиксом *-l* (срвнем. *-lîn*), утратившим свою первоначальную выразительность, а в ряде слов и само уменьшительное значение, широкую продуктивность получил расширенный суффикс *-erl* (с вокализацией *-r*), возникший в результате переразложения от слов, оканчивавшихся на *-er* (типа *Wasserl*). Как сообщает исследователь говора Мархфельда (около Вены) проф. А. Пфальц, слово *wänggl* (т. е. *Wagen* + *lein*) вовсе не обозначает «маленькую повозку» («Wägelchen»), но «возок для людей и легкого багажа» («leichter Wagen»); маленькую повозку обозначают *wänggl* (т. е. *wagen* + *erl*). Колеса любой повозки, в частности колеса локомотива, обозначаются во мн. числе *räln* (т. е. *rädlein*); уменьшительным служит новая расширенная форма *rädvl* (т. е. *rädertl*). Новая уменьшительная форма обозначает предметы «маленькие, изящные, милостивые», старая — «не слишком большие, часто с побочным уничижительным значением». Ср. *būn* «Bube», *büwü* «Büblein» — с уничижительным значением («verächtlicher kleiner Bube»), *büwvl* «Büberl» «милый мальчуган» («herziger kleiner Kerl»); *wai* «Weib», *waiwü* «Weiblein» («самка животного»), *waiwvl* «Weiberl» («женушка») и т. п.².

Сходным образом в алеманских диалектах носителем экспрессивного значения становится новый потенцированный суффикс *-äle*, швейц. *-äli* (из *-el* + *lîn*), возникший в результате переразложения от слов, оканчивающихся на *-el* (тип срвнем. *vogel-lîn*)³. При этом в швейцарском старые уменьшительные, получившие чрезвычайно широкое распространение, в ряде случаев вытеснили основные формы слова, утратив при этом не только эмоциональную выразительность, но и свое специфическое значение. Так, в говоре Керенцен *hämmpî* «Hemdlein» означает то же, что *hämmp* «Hemd», *büäxli* «Büchlein» — то же, что *büäx* «Buch» и т. д. Уменьшительными являются *hämmpäli*, *büäxäli* и т. п. (срвнем. *-el*, *-lîn*)⁴. Поэтому в известном стихотворении Гете, представляющем стилизованное подражание швейцарской народной песне:

Uf'm Bergli bin i g'sässe,
Ha de Vögle zugeschant,
Hänt gesunge, hänt gesprunge,
Hänt's Nestli gebaut...

слова *Bergli*, *Vögle*, *Nestli*, с точки зрения швейцарского народного языка, по своему значению эквивалентны *Berg*, *Vogel*, *Nest*. Как эмоционально-выразительные ласкательные формы народный язык в настоящее время употребляет в таких случаях новообразования с чрезвычайно продуктивным расширенным суффиксом *-äli*: *neštäli*, *bergäli* и т. п.

¹ W. Henzen, Deutsche Wortbildung, 2-e Aufl., Tübingen, 1957, стр. 140—152.

² A. Pfalz, Die Mundart des Marchfelds, Wien, 1903, стр. 10.

³ См. F. Veit, Zur Diminutivbildung im Schwäbischen, «Beitr. zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. XXV, Hf. 1, 1909.

⁴ J. Winteler, указ. соч., стр. 213.

Сходную эмоциональную окраску сохранили в разговорной форме литературного языка (преимущественно в средненемецкой области) уменьшительные с двойным (потенцированным) суффиксом *-elchen*, появившиеся в результате перераспределения от слов типа *Vögelchen*; ср. *Küchelchen*, *Bröckelchen*, *Wägelchen*, *Mädelchen* и т. п. (в особенности в «детском языке»)¹.

9. Мы объединили под названием «потенцированные формы» очень широкий и разнообразный круг явлений морфологии немецкого языка и его местных диалектов. Флексивные формы слова могут быть расширены и укреплены в результате удвоения («усиленный дательный» *-en + en*), переразложения (2-е лицо ед. числа *-st*), суффиксации энклитических частиц (*der + se*, *der da*, *der la*), служебных слов (личные окончания глагола в баварско-австрийском), грамматической аналогии различного типа. Аналогический характер имеют присоединение дополнительного окончания (*-en*, *-er* в местоимениях), распространение более стойкого окончания (наст. время ед. числа 1-го лица *-mi*, нем. *-en*, *-n*), создание новых окончаний из старых элементов (различные типы опатива II на *-t*). Возможно также использование аналитической предложной конструкции (префиксация предлогов *in*, *an* в дат. падеже), которое может сопровождаться переразложением, укрепляющим фонетический состав «укороченного» слова (швейцарские личные местоимения с префигированным *n*-).

В большинстве перечисленных случаев потенцированные формы служат укреплению или восстановлению («регенерации») дифференцирующих морфологических признаков, которым угрожала фонетическая редукция, т. е. совершенствованию языка как средства общения, улучшению его грамматических правил. Явления эти не имеют механического характера, они подчинены общему принципу внутренней целесообразности процессов формообразования в системе данного языка. Подобно явлениям грамматической аналогии, открытым младограмматиками, они не нарушают общей закономерности звуковых изменений, так называемых «звуковых законов», но, подчиняясь этим законам, творчески используют звуковой материал языка для выражения грамматических значений.

Приведенные примеры показывают также, что флексивные формы не только в немецком литературном языке, но и в его диалектах, не связанных устойчивой письменной традицией, не всегда подвергаются разрушению под влиянием фонетической редукции. Наряду с новыми аналитическими формами немецкий язык сохраняет, укрепляет, а иногда даже развивает морфологические признаки флексивного характера там, где они являются выражением стойких и существенных грамматических значений. В этом смысле особенно показательно склонение существительных, в котором на основе разрушения и унификации падежных окончаний образуются новые обобщенные показатели множественного числа, отсутствовавшие в древненемецком (окончания *-e*, *-er*, *-en* с различными чередованиями ударного гласного и конечных согласных); показательно также сохранение и дальнейшее развитие суффиксации (сильные словообразовательные суффиксы с побочным ударением, частично также «потенцированные», т. е. фонетически расширенные и укрепленные перераспределением или присоединением дополнительных суффиксальных элементов).

В некоторых специальных случаях потенцированные окончания служат для выделения сильной формы слова, на которой лежит логическое ударение (указательные местоимения типа *dieser*, *der da* и т. п.), или для усиления эмоциональной выразительности слов, утраченной в процессе грамматизации (уменьшительные, тип *immer mehr*).

¹ См. L. S ü t t e r l i n, Die deutsche Sprache der Gegenwart, Leipzig, 1910, стр. 144.